

Сяо Юйшань поприветствовал его, а затем с улыбкой обратился к Даосу Цанъяну:

— Это князь Хэлянь, прибывший издалека из Мобэя. Услышав о славе храма Сюйхэ, он специально приехал сюда, чтобы посетить его.

Хэлянь Гуйянь, увидев, что у старца белые брови и борода, действительно выглядел как отрешившийся от мира бессмертный, и подумал про себя, что слухи, ходящие в народе, не лишены смысла. Однако он приехал сюда не только для того, чтобы увидеть «старого бессмертного».

Даос Цанъян поклонился в сторону Хэлянь Гуйяня, произнеся даосское приветствие, но не сказал ни слова вежливости, что резко отличалось от его поведения с Сяо Юйшанем.

Сяо Юйшань, обладая пронзительным умом, сразу же понял, что Даос Цанъян, похоже, не благоволит к этому князю из Мобэя, и в его сердце невольно возникла тайная радость. Сяо Юйшань всегда считал, что поговорка «внешность отражает внутренний мир» имеет под собой основание, и человек с таким мрачным характером, как Хэлянь Гуйянь, не может не вызывать неприязни у окружающих.

Однако Хэлянь Гуйянь, похоже, намеревался завязать разговор с Даосом Цанъяном, и его лицо выражало искренность, когда он говорил:

— Прошу старого бессмертного провести нас, людей из Мобэя, по храму Сюйхэ и рассказать о даосских учениях.

Говорят, что на улыбающегося человека рука не поднимается, и Даос Цанъян, учитывая высокое положение Хэлянь Гуйяня как знати из Мобэя, не посмел переступить границы приличия, поэтому в итоге согласился провести их по храму, хотя его лицо оставалось холодным.

Остальные даосы, увидев эту сцену, не могли не почувствовать недоумения. Ведь их учитель всегда был мягким и вежливым, держался с достоинством перед императором и был учтив с простолюдными, понимая мир и зная, как себя вести. Непонятно, почему сегодня он так холодно обошелся с князем Хэлянь из Мобэя.

Мобэй был вассальным государством Великой Янь, и все императоры с благосклонностью относились к роду Хэлянь. Сегодня, неожиданно обидев Хэлянь Гуйяня, Даос Цанъян поступил неразумно. К счастью, император не выразил недовольства, иначе все обитатели храма Сюйхэ могли бы пострадать.

Пока даосы пребывали в тревоге, Сяо Юйшань не обращал на это внимания и не пошел вместе с Хэлянь Гуйянем, а вместо этого нашел тихую чайную комнату, чтобы отдохнуть.

Усевшись, он вдруг заметил, что Чу Циюнь таинственным образом исчез, и спросил у евнуха Вана:

— Где тот человек?

Ань Фэн, не зная, что вопрос был адресован не ему, спросил в ответ:

— Какой человек?

Сяо Юйшань повернулся к нему, улыбаясь, но не говоря ни слова, его взгляд был

«доброжелательным». Ань Фэн почувствовал, будто за ним следит злой дух, и ему стало не по себе. В его сердце возникло чувство невинности, и он растерянно моргнул.

Евнух Ван слегка кашлянул, поспешив выручить ситуацию:

— Когда мы поднимались на гору, он шел сзади. Наверное, он тоже в храме Сюйхэ.

Как раз в этот момент Чу Циюнь вошел в комнату, держа в руках черную керамическую тарелку.

Тарелка была полна плодов гинкго, которые дымились, источая аромат, явно только что приготовленные.

Чу Циюнь поставил тарелку на стол:

— Пожалуйста, отведайте, Ваше Величество.

Сяо Юйшань увидел, что плоды были поджарены до золотистого цвета, скрываясь внутри треснувших скорлупок, словно стесняясь. В его мыслях невольно всплыли воспоминания из прошлого.

Когда ему было шесть лет, он лечился в храме Сюйхэ, и в те дни его часто одолевала грусть. Каждый раз, когда это происходило, Чу Циюнь придумывал способы поднять ему настроение — то учил его свистеть на листьях, то спускался с горы, чтобы купить сладостей, а если ничего не помогало, собирал плоды гинкго и жарил их.

Незаметно для себя, в присутствии Ань Фэна и евнуха Вана, Сяо Юйшань улыбнулся. Чу Циюнь, увидев это выражение на его лице, тоже не смог сдержать улыбки и, не забыв очистить один плод, подал его Сяо Юйшаню.

Сяо Юйшань не удержался и попробовал его, почувствовав, как возвращаются те спокойные и счастливые времена, словно они никогда и не выросли.

Ань Фэн был ошеломлен, наконец поняв, что происходит, его обычно холодное лицо выразило изумление. К счастью, прежде чем он успел что-то сказать, евнух Ван вытащил его за дверь.

— Они...

— Не говори, не говори, — евнух Ван взмахнул своим опахалом и понизил голос. — Ань Фэн, с юных лет ты служил во дворце, ты должен понимать, что некоторые вещи нельзя произносить вслух.

Эти слова только подтвердили догадки Ань Фэна. Хотя он был прямолинеен, но не глуп, и он хорошо понимал, что имел в виду евнух Ван. Он крепко сжал губы и слегка кивнул.

Хэлянь Гуйянь и Даос Цанъян продолжали прогулку по обширному храму Сюйхэ, за ними следовали несколько охранников из Мобэя.

По неизвестной причине Даос Цанъян оставался холоден к Хэлянь Гуйяню, его лицо было лишено улыбки на протяжении всего пути.

Хэлянь Гуйянь, казалось, не замечал этого, наслаждаясь пейзажем, и вдруг спросил:

— Почему Даос Чу не сопровождает нас?

— О ком вы спрашиваете, князь Хэлянь? — Даос Цанъян обернулся к Хэлянь Гуйяню с выражением недоумения, словно действительно не знал, о ком идет речь.

— Даос Чу Циюнь, разве в храме Сюйхэ не один человек с такой фамилией? — Хэлянь Гуйянь посмотрел на старца и вдруг засмеялся, его слова были наполнены скрытым смыслом. — Но я думаю, что такая фамилия встречается редко.

Даос Цанъян ответил:

— Фамилия Чу не так уж редка, князь Хэлянь, живя в Мобэе, вы, вероятно, не знакомы с обычаями внутри страны.

— Верно, верно, старый бессмертный прав, — Хэлянь Гуйянь, похоже, был очень заинтересован в Чу Циюне и снова спросил:

— Только не могу понять, что означает имя «Циюнь»?

Даос Цанъян хотел отбить атаку Хэлянь Гуйяня холодными словами, но тот настойчиво продолжал задавать вопросы, стремясь докопаться до сути.

Не имея другого выхода, старец решил отступить, притворившись непонимающим:

— Это просто сочетание иероглифов, как можно их объяснить?

— Вот как... — Хэлянь Гуйянь тихо вздохнул, его слова были едва слышны, но их смысл был глубоким. — Жаль, что такое хорошее имя пропадает зря.

Услышав это, даже обычно спокойный Даос Цанъян не смог сдержать легкую гримасу. Прожив две династии, он видел множество взлетов и падений, и его сердце, посвященное даосизму, было непоколебимым. Но сегодня он не смог остаться равнодушным к словам князя из Мобэя.

После нескольких таких неясных высказываний Хэлянь Гуйянь, похоже, был удовлетворен и больше не настаивал на разговоре, но в его глазах появился холодный блеск.

В этот момент к Хэлянь Гуйяню подошел человек из Мобэя и что-то шепнул ему на ухо. Даос Цанъян увидел, как улыбка на лице Хэлянь Гуйяня мгновенно исчезла, и его лицо омрачилось.

Хэлянь Гуйянь был красив, но когда он не улыбался, его лицо становилось мрачным, а сейчас, когда он нахмурился, оно выглядело еще более зловещим. Он быстро попрощался с Даосом Цанъяном и направился к Сяо Юйшаню.

Оказалось, что драгоценность, подаренная из Мобэя, была завершена вчера, и из нее вырезали статуэтку, изображающую нынешнего императора, которую можно было держать в руке. Однако за ночь нефритовая статуэтка исчезла. Более того, вор был настолько дерзок, что оставил письмо в коробке.

Кража драгоценности сама по себе была тяжким преступлением, а появление вора во дворце стало еще большим скандалом. Ведь охрана дворца была настолько строгой, что на каждом шагу стояли часовые, и все же кто-то смог войти, как в свой дом, украсть драгоценность и оставить письмо с вызовом.

Хэлянь Гуйянь был человеком, знающим, когда нужно остановиться, и он не хотел, чтобы эта история стала достоянием общественности, чтобы сохранить лицо как для Мобэя, так и для

императора Великой Янь.

Он быстро подошел к чайной комнате, где Ань Фэн и евнух Ван стояли снаружи, и остановился, не пытаясь войти без разрешения, сказав, что ему нужно срочно сообщить что-то императору. Евнух Ван не посмел задержать князя из Мобэя и постучал три раза, ожидая разрешения войти.

Через некоторое время дверь открылась, и за евнухом Ваном вышел молодой даос в сером одеянии, опустив глаза и смиренно склонив голову. Хэлянь Гуйянь внимательно посмотрел на него — это был Чу Циюнь.

Хэлянь Гуйянь сосредоточил свой взгляд на Чу Циюне, его взгляд был полон скрытого смысла, зловещий и недружелюбный. Чу Циюнь почувствовал это и понял, что значит быть под пристальным взглядом, словно за ним следил волк. Он прошел мимо, сохраняя спокойствие.

Когда Чу Циюнь ушел, Хэлянь Гуйянь отвел взгляд, и через мгновение его выражение стало обычным, как будто все, что только что произошло, было иллюзией Чу Циюня.

— Прошу Ваше Величество простить меня...

Хэлянь Гуйянь вошел в чайную комнату, сделал несколько шагов вперед и встал на одно колено перед Сяо Юйшанем, явно выражая свою вину.

Сяо Юйшань, не зная, что произошло, нахмурился и спросил:

— Что вы имеете в виду, князь Хэлянь?

— Только что из дворца сообщили... — Хэлянь Гуйянь замялся, явно опасаясь гнева императора. — Нефритовая статуэтка, завершенная вчера, сегодня утром была украдена вором.

— Нелепость! — Услышав это, Сяо Юйшань был потрясен, и в его сердце возникли подозрения, словно волны. — Как могла драгоценность из дворца быть украдена вором?

Авторские заметки: Следующая глава станет началом огромных перемен в судьбе Чу Циюня из-за Хэляня, и эти перемены затронут Сяо Юйшаня.

γ(↓_↓)∩(↓_↓)∩(↓_↓)∩(↓_↓)γ

Пожалуйста, добавьте в закладки мой новый проект «План воспитания главного героя в другом мире [Система]».

<http://bllate.org/book/16210/1455465>